

И.Г. Минервин

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выработка теоретического подхода, обоснование политики – необходимое условие начала всяких реформ и трансформаций. Эта же проблема встает постфактум при попытках теоретического объяснения достигнутых успешных результатов или провалов.

Мнения исследователей относительно факторов ускорения процессов роста и структурных изменений не отличаются единством. Тем не менее, несмотря на неудачи в построении единой модели устойчивого экономического роста, ее поиски упорно продолжаются. Один из основных вопросов, находящихся в центре неоклассического, неокейнсианского или неолиберального подходов к экономической стабильности и росту, – это вопрос о соотношении рыночных сил и государственного участия в экономике.

При всем многообразии подходов главные различия позиций сводятся к оценке роли государственной экономической и промышленной политики, государственного участия и стимулирования, с одной стороны, и свободной стихии рыночных сил, обеспечивающих эффективную координацию и распределение ресурсов, – с другой. По этим позициям ведутся основные споры и дискуссии между экономистами различных направлений. Эти дискуссии особенно усилились после кризиса 2008–2009 гг., породившего серьезные сомнения относительно будущей способности поддерживать приемлемые долгосрочные темпы роста. Дело в том, что стратегия макроэкономической стабилизации, основанная на монетарной и финансовой политике, обнаружила серьезную ограниченность, что определило переключение внимания на инновационную и другие микроэкономические стратегии роста. В условиях характерной для многих развитых стран многолетней недостаточности инвести-

рования в активы, обеспечивающие подъем производительности прежде всего в развитие технологии, возникает настоятельная необходимость в изменении стратегии роста и разработке новой экономической теории, которая, по мнению многих исследователей, стала «категорическим императивом» [Экономическая социодинамика.; Tassey G., 2013, р. 293].

Причина некоторой неопределенности и разнообразия современных подходов к политике экономического роста, ее теоретическому обоснованию и соответствующей практической реализации лежит, очевидно, в переживаемой эпохе смены технологических способов производства, или, согласно принятому в отечественной литературе термину, технологических укладов. Смена материальной основы производства, структуры хозяйства, причем не всегда синхронная, а скорее разновременная, разноинтенсивная с точки зрения пространства и времени, требует новых подходов, которые возникают и закрепляются сложными путями.

Другие важные процессы, оказавшие свое влияние, – развитие юридической сферы, включение правовых норм в экономическую жизнь в качестве способов ее регулирования, а также микроэкономические явления, развитие новых форм организации и управления производством.

XX век – поиски модели

Двумя крайностями в решении кардинальных вопросов построения экономической модели, проявившимися в XX в., оказались рыночный неолиберализм, свойственный «тучным годам» развитых экономик, и модель жесткого государственного управления экономикой тоталитарных режимов XX в.¹

Развитие корпоративной формы организации предприятий и соответствующих форм корпоративного управления и внутрифир-

¹ Советская централизованная административно-командная система на базе тотального огосударствления и централизованная командная система фашистской Германии с сохранением мощного частного сектора при его подчинении государственному диктату; если первая не является рыночной, то вторая может быть названа квазирыночной; и в том и в другом случае характерная доминирующая черта – милитаризация экономики. История знакома с различными вариантами: как со слиянием государства с олигархическим капиталом при подчинении первого второму, так и с диктатурой государства, подчиняющей частный сектор. При этом нет гарантии от различных метаморфоз, кроме развитого гражданского общества и демократических институтов.

менного менеджмента породило перенос методов регулирования на уровне фирмы на экономику в целом. Но и здесь возникли варианты – от дирижизма до планово-директивного управления.

Дирижизм означал введение в систему государственного воздействия на экономику элементов индикативного планирования, соединение механизмов государственного управления экономикой с рыночными экономическими механизмами, означавшее использование не только косвенных методов финансового, налогового и законодательного регулирования, но и непосредственного вмешательства в экономику различными способами.

Централизация управления и переход к прямым методам воздействия, безусловно, представляют экстремальный вариант, эффективный в чрезвычайных ситуациях как антикризисное, мобилизационное управление. Некоторые его черты были успешно применены администрацией США во время Второй мировой войны. Был создан целый набор новых государственных учреждений: Управление военного производства, занятое переводом национальной промышленности на военные рельсы, Управление экономической стабилизации, а затем Управление военной мобилизации, наделенное весьма широкими полномочиями, Управление ценового регулирования, установившее фиксированные цены, Военно-трудовое управление, осуществлявшее контроль за оплатой труда и продолжительностью рабочей недели [США во время Второй мировой войны].

При этом опыт США указывает на важность последовательности курса в сочетании с направлением, соответствующим условиям и потребностям времени. Рассматриваемый на протяжении длительного периода XX в., он показывает, что наибольших результатов экономика США добивалась тогда, когда она последовательно придерживалась одной из двух моделей своего развития – жесткого государственного регулирования (период Второй мировой войны) или последовательного либерализма (период «рейганомики»). И наоборот, экономика впадала в состояние длительной депрессии или вялого роста, когда либеральный подход совмещался с попытками государственного регулирования экономики (Великая депрессия 30-х годов и период 70-х годов, предшествовавший переходу к «рейганомике») [Управление экономикой США...].

Централизация, переход от регулирования к непосредственному администрированию, усиление прямого государственного участия в экономике – это по сути антикризисная, мобилизационная модель. Таковой мерой и было, например, создание в США Администрации долины реки Теннесси как одно из мероприятий

(наряду с другими, как административными, так и финансовыми мерами) по выходу из кризиса. Такой же в принципе характер носили создание ряда государственных ведомств в период Второй мировой войны с задачами централизации управления оборонными отраслями и системы государственных закупок их продукции (расформированное после окончания войны) или масштабные вливания средств в частные банки и корпорации и даже частичное огосударствление во время кризиса 2008–2009 гг.

Жесткая мобилизационная модель, напоминающая командно-директивную модель советской экономики или авторитарно-принудительную модель фашистской Германии, пригодна только в определенном месте и в определенное время с определенными (довольно ограниченными) целями.

Вариант, в отличие от либерального дирижизма носящий явно тоталитарный характер, – плановая экономика, утверждение которой в СССР исходило из представления о всевластии государства в экономике. Ее сутью были тотальная национализация (огосударствление) частных предприятий и тотальная централизация управления. Пережитки такой системы в нашей стране, как это ни странно, еще очень сильны, например, в виде господства естественных монополий. Как справедливо отмечает А.П. Огурцов, «и поныне существуют различные версии переноса механизмов корпоративного управления на все общество, при которых общество отождествляется с корпорациями, а государство с насилием» [Огурцов А.П., 2013, с. 122].

Если естественный, природный либерализм, т.е. стремление к свободе как высшей ценности, принадлежащей каждому от рождения, вечен и служит глубинной основой прогресса социального и политического устройства человеческих сообществ, то либерализм (сегодня – неолиберализм) в экономике есть лишь одна из концептуальных основ экономической политики, время от времени возникающая на историческом горизонте в зависимости от складывающихся экономических и политических условий.

Фактически весь исторический путь развития функций государства был связан с извечной проблемой эффективности. Важной вехой на его пути стало учение Дж.М. Кейнса, послужившее теоретической основой американского «Нового курса» и усиления регулирующей функции государства.

Переход к политике deregulation был обусловлен завершением кризисных и военных условий и периодом высокой конъюнктуры, а очевидный новый виток усиления системы регу-

лирующего воздействия – завершением эпохи благоденствия и хорошего роста и потребностью в повышении эффективности и практической отдачи от инвестируемых средств.

Неолиберальная модель экономики – это, по сути, возврат к модели рынка как механизма координации и свободной конкуренции как двигателя прогресса и экономического роста. Экономический неолиберализм – это модернизированный классический либерализм, он, как пишет Г.Х. Попов, «утверждался в борьбе как с неокейнсианством, так и с различными теориями государственного социализма» [Попов Г.Х., 2012, с. 326], но в конечном счете приходит к противоречию между отказом от регулирования на основе критики государственной экономики и провалов регулирования, зачастую справедливой, и признанием ограничений рыночных сил и провалов рынка, ведущих к накоплению диспропорций, кризисам и неизбежно требующих государственного вмешательства и усиления регулирования.

Неолиберальная доктрина – уход в прошлое

В сфере российской экономической политики действует «стройная» система политico-экономических представлений и практических действий, предназначенная, очевидно, для полного затуманивания того, «кто есть кто» в глазах общественности. Правительство на словах не отказывается от неолиберального (в экономическом смысле), гайдаровско-ельцинского наследства, громко заявляет о необходимости свертывания государственного участия в экономике, подразумевая при этом только прямое участие и совершенно забывая о целенаправленной экономической и промышленной политике, о рычагах регулирования. В то же время фактически укрепляются близкие власти госкорпорации, которые по преимуществу являются естественными монополиями или монополями в своих отраслях, что фактически повторяет супермонополистическую структуру советской экономики и еще более подавляет и так практически отсутствующую конкуренцию, без которой рыночная экономика не существует.

Критика неолиберализма как основы социально-экономической политики в России, четко выраженная многими его противниками [Глазьев С.Ю., 2011; Залог успешной экономики...], не отрицает некоторых важных достижений 20-летнего российского реформизма (создание рыночной экономики, возникновение предпринимательского класса, устранение дефицита, интеграция в мировую экономику), но в целом ставит ему неудовлетворительную оценку.

Критики неолиберального проекта рыночных преобразований в России связывают с ним процессы деиндустриализации и промышленизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы, появление массовой бедности, непрерывный рост коррупции и незаконное обогащение немногих. «Безоглядное упование на силу «невидимой руки рынка», отрицание созидания, фактический отказ от реализации потенциала народа как главной задачи экономической политики привели Россию к затяжному экономическому и демографическому кризису» [Бабкин Л. Есть и другие проблемы...].

Здесь, однако, наряду со справедливой констатацией печальных последствий реформ последнего 20-летия, можно найти некоторую нелогичность. Так уж либеральны эти реформы и не повернуты ли они реально вспять в последнее время? Следование устаревшим образцам завело экономику в тупик, но исправил ли ситуацию хоть в малейшей степени уклон в сторону авторитарного госмонополизма или он лишь обострил ситуацию? Где свободный рынок и возможности широкого развития предпринимательской инициативы, где на фоне чудовищной коррупции и невиданного разрыва в доходах поддержка малого бизнеса и защита прав собственности? Налицо прежде всего крайняя непоследовательность, которая в принципе не может дать положительного результата.

Сегодня во всем развитом мире можно наблюдать усиление роли государства в направлении отказа от политики deregulирования и расширения мер в области поддержки бизнеса, его научноемких, инновационных секторов, использования методов государственно-частного партнерства. В России же государство, безусловно, стало крупнейшим участником экономической жизни, но в каком качестве? Фактически государство используется в качестве инструмента, независимого от общества и нацеленного на обслуживание собственных интересов в тех случаях, когда это выгодно власти, осуществляет подчас «бесцеремонное вмешательство в экономику и перераспределение доходов от ее функционирования в пользу клана чиновников и властных групп» [Государство..., 2013, с. 189].

Усиление прямого и косвенного участия государства в экономике отражается, в частности, в наличии большого и растущего числа государственных и муниципальных унитарных предприятий, которые, вопреки своему предназначению участвуя в переделе рынка, подменяют собой сферу деятельности частного сектора. Созданные в 2000-х годах государственные корпорации стали монополистами в своих отраслях (Ростехнологии, Росатом, Внешэкономбанк). Кроме

того, государство контролирует от 51 до 100% акций в таких важнейших для экономики структурах, как Газпром, Роснефть, Транснефть, РЖД, Аэрофлот [Гонтмахер Е.Ш., 2013, с. 276–277].

Фактически последние годы – это постепенный возврат к советской, государственно-бюрократической модели экономики с доминированием ВПК. Огромные средства направлены в долгосрочной перспективе на перевооружение. Но такой повтор старой стратегии, инвестиции в ВПК и даже в другие сектора государственной экономики (госмонополии типа Газпрома) не стимулируют роста. Очевидно, что огосударствление экономики блокирует действие мультипликатора и государственные расходы не стимулируют активность подавленного частного сектора. Такая модель экономики не только неэффективна, но просто бесперспективна.

В то же время распространенным является тезис о минимизация государства. Е.Ш. Гонтмахер считает, что «участие исполнительной власти в экономике... требует радикальной минимизации: государственные инвестиции должны быть ограничены лишь особо значимыми социальными объектами; функции регулирования и контроля за экономической деятельностью следует передать к саморегулируемым организациям и профессиональным ассоциациям» [Гонтмахер Е.Ш., 2013, с. 281].

Здесь полезно указание на роль профессиональных ассоциаций, таких, например, как АРБ, выполняющая полезную функцию для развития банковского дела в стране. Зарубежная же практика дает массовые примеры подобного рода. Однако основной вопрос заключается в другом. Инвестиции и регулирование – это две разные сферы деятельности государства в экономике. Существует, кроме того, мощный фактор доверия, в данном случае недоверия к частному сектору у большой доли населения, с которым необходимо бороться, в том числе с помощью реформирования частного сектора, но который нельзя не учитывать.

Существуют призывы признать тенденцию к устраниению государства и его бюрократии из многих сфер общественной жизни обоснованной и содействовать ей. Но избавиться от государства означало бы либо передать его функции другим институтам, т.е. обществу, которое все равно вынуждено было бы тут же создать для этого новые институты, равносильные государству, либо совсем ликвидировать эти функции, что невозможно. Иное дело самоограничение власти, на что указывает, например, Е. Гонтмахер: «Ответственная власть... должна заняться самоограничением. Только тогда в России и оживится экономика, и поднимется градус обще-

ственного оптимизма в стране» [Гонтмахер Е.Ш. На «взбесившемся принтере»...].

Сегодня стандартное неоклассическое объяснение по-прежнему связывает успехи азиатской индустриализации с ростом экспорта, либерализацией торговли и ростом частного сектора. Экономисты мейнстрима определили Корею, Сингапур и Тайвань как либеральные экономики, несмотря на интенсивное проведение ими государственной промышленной политики. Высокие темпы роста в других быстро развивающихся странах Азии также объяснялись результатами инициатив по либерализации. Китайская политика открытых дверей, проводимая с 1978 г., возврат Малайзии к либерализму в 1986 г. вслед за массированными мерами по индустриализации, усилия по либерализации, предпринятые в Таиланде и Индонезии после 1986 г., аналогичные меры во Вьетнаме после 1989 г. и в Индии после 1991 г. были оценены как важные этапы в привлечении рыночных сил в качестве факторов ускорения [Rasiah et al., 2012].

Противоречивость позиций отражается на предлагаемых мерах по реализации экономического потенциала России и ускорения роста, среди которых можно видеть средства из разных арсеналов. В этом, однако, нет ничего дурного, если то, что можно оценить как непоследовательность, превращается в комплексность и системность и тем самым в свою противоположность.

Так, предлагается разработать и реализовать систему долгосрочных целевых программ, подкрепленных активной и эффективной промышленной политикой; отказаться от затратных суперпроектов, не окупаемых даже в отдаленной перспективе; снизить налоговую нагрузку и ставки по кредитам для несырьевых секторов экономики, для предприятий, осуществляющих модернизацию; уменьшить социальное неравенство, в том числе через систему прогрессивного налогообложения; создать равные условия международной конкуренции на внутреннем рынке; добиться пересмотра условий участия России в ВТО и инициировать политику селективного протекционизма; содействовать продвижению отечественных несырьевых товаров на внешних рынках; продолжить процесс приватизации и выход государства из прямого участия в экономике; остановить курс на повальную коммерциализацию и приватизацию социальной сферы и т.д.

Сторонники свободной рыночной экономики подчеркивают общность условий функционирования частного и государственного секторов при равенстве информационных и трансакционных из-

держек. Действительно, принадлежность организаций в той или иной степени к государственной собственности не мешала бы им быть поставленными в условия рыночной конкуренции, если бы соблюдалось условие исключения элементов монополизма и государственных преференций. Представители институционального направления придерживаются утверждения, что эффективная рыночная алокация ресурсов не может быть достигнута без вмешательства правительства.

Правы те, кто говорит, что неолиберальный курс себя исчерпал, но это касается «рыночного фундаментализма», неолиберального курса в чистом виде, что уже давно осознано на Западе иочно закреплено в общественном сознании после кризиса 2007–2009 гг. Тенденция отказа от неолиберализма, выражавшегося в концепции монетаризма и практике дерегулирования, возникла на Западе начиная еще с 70-х годов XX в. К тому же на Западе минимизация участия государства в экономических и социальных процессах зачастую является иллюзией, поскольку такое участие многообразно и осуществляется в разных формах и на различных уровнях. Во-первых, государство и его участие не сводятся к действиям центрального правительства, во-вторых, всегда действуют специалисты ведомств, даже когда политическое руководство пассивно. Здесь свою роль играют процессы децентрализации власти с передачей многих функций региональным и муниципальным органам, формируемым на выборной основе. Кроме того, действуют принципы прозрачности и подотчетности всех органов власти.

Снижение темпов роста и возрастание финансовой нестабильности, датируемые 70-годами XX в., ознаменовались усилением концепции неолиберализма и практики дерегулирования, их превращением в основные направления экономической политики ведущих стран, и прежде всего США. Целью неолиберальной идеологии было сокращение масштабов государственного аппарата и дерегулирование рынков, в первую очередь финансовых. На микроуровне этот же период характеризуется усилением зависимости корпоративного менеджмента от крупных институциональных инвесторов, а последних – от бизнес-менеджеров в обеспечении прибыльности и роста стоимости акционерного капитала, превращением «менеджерского капитализма» в «капитализм денежных менеджеров». Корпоративный менеджмент и денежный менеджмент попадают в ситуацию взаимной зависимости, при этом внимание обеих сторон сосредоточено на взаимосвязанных показателях денежных потоков, прибыли и цен акций.

Очевидно, что в сфере экономической политики глобальный финансовый кризис обострил проблему и усилил тенденцию отхода от доминировавшей в предшествующий период доктрины неолиберализма. Экономический неолиберализм, столь популярный еще два десятилетия назад, в том числе среди отечественных реформаторов 1990-х годов, и нашедший отражение в так называемом «Вашингтонском консенсусе», безусловно, ушел в прошлое. Как отмечал еще в начале 2000-х годов Дж. Стиглиц, неолиберальный фундаментализм, представляющий собой доктрину на службе частных интересов, усиливает неравенство, создает угрозу для мировой экономики. Р. Коуз еще в 1937 г., наблюдая возникшую к тому времени полемику (возможно, под влиянием политики «Нового курса» и даже опыта плановой экономики), обратил внимание на развитие альтернативных рынку способов экономической координации [Coase R.H., 1937].

Сегодня, после экономического кризиса 2008–2009 гг., даже в США, всегда выступавших в роли цитадели экономического либерализма, противоположная ему тенденция приобретает явные черты. Все больше голосов присоединяется к концепциям усиления регулирующей, перераспределительной и стимулирующей функций государства (что никак не связано с масштабами государственной собственности, т.е. прямого участия государства в экономике, которое справедливо рассматривается как чрезвычайная мера).

Дж. Стиглиц и ряд других авторов выдвинули экономический подход к государству, рассматривая его как особый субъект рыночных отношений, к которому применим основной экономический принцип – принцип эффективности. В этом же ряду и проблема оптимального соотношения деятельности частного и общественного секторов в экономике, сущность которой состоит в придании конкретного значения общему положению об оптимальности с точки зрения масштабов и характера общественного сектора. Экономический подход по своей сущности означает рассмотрение тех аспектов роли государства, которые связаны с ограниченностью природных ресурсов, труда и капитала, а также с индивидуальным и общественным благосостоянием [The economic role., 1989, с. 1, 5]. Как подчеркивает Дж. Стиглиц, при определенных условиях общественные цели могут быть достигнуты на основе частного производства, но частное производство не способно достичь всех целей государственной политики [The economic role., 1989, с. 41].

Как отмечает английский экономист П.М. Джексон, в настоящее время большинство экономистов уверены в ошибочности

крайних точек зрения, согласно которым правительство должно отвечать за всю экономическую деятельность или не должно делать ничего. Государственные бюрократии не обладают способностями обработки информации, решения проблем координации и создания стимулов, свойственными рынку. Рынки эффективны только при весьма ограниченных и специфических условиях, более того, они производят несправедливое в социальном отношении распределение богатства. Необходимо, таким образом, найти баланс, «третий путь», представляющий собой смешанную экономику, обладающую лучшими чертами рыночной и бюрократической конструкций. В то же время ясно, что государственное предложение общественных услуг сохранит свое значение. Вопрос состоит в его форме и степени регулирования [Jackson P.M., 2001, p. 6].

Решение масштабной задачи синтеза двух подходов – рыночного и государственного – предпринято в работе Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. Разработанная ими концепция экономической социодинамики (КЭС) выделяет государству значительное место в экономике [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство.; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики.; Экономическая социодинамика...].

Идейный стержень концепции – обновить традиционные подходы и соединить два направления экономической теории, облеченные авторами в постулаты индивидуализма и государственничества. Активная роль государства обосновывается наличием благ, «полезных для общества как такового» и, соответственно, автономного общественного интереса, реализуемого государством.

Эта теория отводит четкое место государству, исходя из представления о рынке «опекаемых благ» – особой группе товаров и услуг, в отношении которых имеются нормативные интересы общества. Ее теоретическое ядро может быть охарактеризовано главным образом как переход от методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающему существование нормативных интересов общества наряду с предпочтениями индивидуумов. Индивидуализм отрицается как не допускающий существования интересов общества, а государство утверждается как самостоятельная сила (рыночный игрок), стремящаяся реализовать интересы общества.

Отсюда и новая трактовка равновесия, которое в концепции экономической социодинамики представляет собой обмен принадлежащих государству ресурсов на социальную полезность опека-

мых благ. Данное теоретическое положение служит обоснованием «законности» общественного финансирования организаций культуры, науки, образования: речь идет о социально целесообразных государственных расходах на реализацию нормативных общественных интересов.

Постулат индивидуализма с очевидной необходимостью требует модернизации, и эта идея, в сущности, не нова. Так, еще в конце XIX в. «немецкая финансовая наука» признавала наличие интересов общества как такового и категорию «коллективные потребности» [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...]. Об общественных интересах, затрагивающих всех участников рыночной экономики, и необходимости для государства регулировать эти интересы, зачастую сдерживая и ограничивая действия отдельных игроков, было заявлено администрацией США в 1960-е годы, когда начали приниматься практические меры такого характера¹. Эта же идея лежит в основе антимонопольной политики, осуществляющей более или менее успешно на протяжении более ста лет. О наличии особых свойств целого, отличающихся от свойств его частей, как и от простой их суммы, утверждает не только философия холизма, но и теория систем.

Авторы концепции экономической социодинамики обращают внимание на господствующее в теории индивидуалистическое обоснование общественных потребностей и идут дальше, доказывая существование интересов общества как такового. Наиболее сильная сторона концепции – указание на источник формирования общественного интереса, выводимый из представления о социуме как совокупности, испытывающей постоянные флуктуации, порождающие энергию возмущения, и о динамике социальных систем как результате взаимодействия необходимости и случайности.

Вместе с тем в рассматриваемой концепции интересы общества противопоставляются интересам индивида, что не всегда справедливо, и отождествляются с интересами государства. Тем самым интересы государства выводятся и приравниваются к интересам

¹ В 1961 г. Дж.Ф. Кеннеди выдвинул программу экономической политики на основе рекомендаций, предложенных консультативной группой под руководством П. Самуэльсона. Тогда впервые в истории США правительство взяло на себя в качестве одного из своих главных обязательств ускорение темпов экономического роста, что далеко выходило за рамки принимавшихся ранее обязательств обеспечения полной занятости, борьбы с инфляцией, проведения антикризисных мероприятий [Самуэльсон П. Экономическая политика.., 1964, с. 33, 51].

общества, тогда как на деле это не так. Более того, можно утверждать, что между обществом и государством существует извечное противоречие и государство выступает как агент общества только тогда, когда общество способно контролировать его. Бесконтрольное государство далеко от служения интересам общества. Проблема, однако, в том, что общественные интересы довольно сложно выявить. Для этого и нужны особые институты и механизмы, которые принято определять как демократические. Автономный общественный интерес, безусловно, существует и является значимым, но он не тождественен государственному интересу. Это вытекает из того факта, что эти интересы представлены различными индивидами и, несмотря на несводимость их индивидуальных интересов, существуют интересы групповые.

Сегодня можно слышать рассуждения о том, что если государство и его бюрократия, чиновничество плохи, некомпетентны и коррумпированы, то почему бы не избавиться от них. Это равнозначно призыву отказаться от еды, голодать, если нет качественной пищи, т.е. к самоуничтожению, вместо того чтобы направить усилия на ее улучшение. Коль скоро речь идет об экономике, то устранение государства означало бы полную и неограниченную стихию рыночных сил со всеми вытекающими последствиями. Но ведь, однако, вопрос о том, какое это государство и как оно участвует в экономике. Либерально-демократические преобразования, как хорошее питание, – единственный выход, диктуемый инстинктом самосохранения (если он еще существует), даже несмотря на то, что «Россия отделена от “настоящей”, “хорошей” демократии исторической дистанцией огромного размера». Но и отказаться от строительства демократических институтов нельзя, «понимая, что, свернув с пути демократического развития, страна окажется в историческом тупике» [Порус В.Н., 2013, с. 240].

Характеристики сегодняшней российской модели с ее тенденцией к централизации, выстраиванием жестких вертикалей управления, монополизацией, бюрократией, коррупцией, удушением малого бизнеса не имеют ничего общего с развитой постиндустриальной экономикой. Это, во-первых, модель сырьевой экономики и, во-вторых, модель монопольной и в значительной мере огосударствленной экономики, полученной в наследие от командно-директивной.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что современный российский капитализм несет черты, сформировавшиеся на протяжении длительного исторического опыта, и что многие из этих черт

суть слабости, определяющие облик его модели на длительную перспективу. Г.А. Явлинский показывает, как сложившаяся в результате постсоветской трансформации система унаследовала некоторые существенные черты, уходящие корнями в императорскую Россию. К ним относятся структура собственности – высокая доля госсектора, включая полугосударственные и квазигосударственные компании. «В наследство постсоветским правительствам в России, – пишет Явлинский, – досталась страна, где практически все основные ресурсы были сконцентрированы под контролем центральной власти... И век назад основные ресурсы страны, даже в частном секторе экономики, фактически не находились в по-настоящему частной собственности... Как и сейчас, предприниматели осознавали свою зависимость от авторитарного государства, привычно смотревшего на все главные ресурсы страны как на “государевы”, жалуемые подданным не столько в собственность, сколько в пользование и употребление в обмен на политическую лояльность и готовность выполнять пожелания самодержавной власти... Крупные частные компании в наших условиях не являются в строгом смысле этого слова частной собственностью контролирующих акционеров. В случае продажи или конвертации активов в иные формы они не являются полностью свободными в своих действиях, а выгода, которую они могут извлечь для себя лично из распоряжения формально принадлежащей им собственностью, реально ограничена отношениями с административной властью различного уровня». Отсюда и все хорошо известные слабости российской экономики, в том числе низкий уровень диверсификации, зависимость от природных ресурсов, ограниченность механизмов рыночной конкуренции, слабость стимулов для повышения эффективности и т.д. «Совокупность всех этих слабостей есть, по сути, следствие той модели “периферийного капитализма”... которая еще в 1990-е годы определила орбиту движения экономики страны на достаточно длительную перспективу» [Явлинский Г.А., 2014, с. 145, 148–150].

По поскольку, как справедливо пишет В.Н. Порус, «уродства нашей действительности, в том числе и уродство нынешней бюрократии, являются неизбежными следствиями культурного кризиса, уже переросшего в культурную катастрофу», необходимо культурное возрождение, предполагающее воспитание всех его компонентов – политического, правового, управленческого и трудового. А это значит, что нельзя говорить о повышении уровня культуры «вне работы по совершенствованию управлеченческой системы, по созда-

нию основ демократического, гражданского общества» [Порус В.Н., 2013, с. 243].

Необходимо укреплять правовую систему и способствовать развитию гражданского общества, основываясь на ценностях справедливости и свободы, и одновременно усиливать регулирующую роль государства в экономике во всем ее многообразии. Российская же власть ведет систематическое наступление на гражданские свободы, на независимые СМИ, ее устраивает отсутствие правосудия, коррумпированные «правоохранительные» органы и т.д., но при этом она упорно продолжает цепляться за неолиберальную модель экономики. Впрочем, здесь любая политика принимает извращенные формы. Динамика приватизации и национализации здесь понимается как возможность вопреки логике экономического развития, но согласно логике личных интересов, превращать крупнейшие частные компании в государственные, чтобы затем, после их накачки бюджетными средствами, снова превратить в частные [Никольский С.А., 2013, с. 210].

Сегодня большинство экономистов признают, что действовавшие источники экономического роста сырьевой экономики полностью исчерпаны и для обеспечения ее устойчивого роста необходима реализация ряда важных институциональных преобразований, прежде всего в области децентрализации, укрепления гарантий прав собственности и улучшения делового климата, отказа от административных методов жесткого регулирования и вместе с тем усиления антимонопольного регулирования, снятия барьеров для конкуренции и создания эффективной инновационной системы. Такая необходимость связана не только со сложившимися локальными дисфункциями, но и общемировыми тенденциями, являющимися ответом на вызовы постиндустриальной эпохи.

Особенности современного этапа и роль государства

Исходным моментом современных концепций экономического развития является констатация перехода к новой исторической форме экономики, отличающейся от традиционного капитализма. Этот этап фигурирует под различными названиями – новой экономики, постиндустриальной экономики, экономики знаний, инновационной экономики, – которые указывают на различные стороны этого явления, но в равной мере подчеркивают потребность в новых моделях экономического роста.

Это чрезвычайно важное обстоятельство. Нельзя подходить к современности со старыми мерками, в этом заключается одна из ошибок неолиберализма. Важно то обстоятельство, что современная экономика является постиндустриальной по своей базовой структуре, экономикой знаний по основному источнику и инновационной по движущей силе и механизму роста.

Многие аналитики говорят об изменении экономического строя развитых стран, о том, что он уже не является капитализмом в классическом понимании. Г.Х. Попов, например, определяет его как постиндустриализм, существенно отличающийся от капитализма. Он связывает возникновение постиндустриальной экономики с рузвельтовским «Новым курсом» как своеобразной альтернативой, третьим путем по сравнению с формами государственно-бюрократического социализма, возникшими в СССР и Германии в предвоенный период.

Основными «блоками» постиндустриальной экономики являются: во-первых, частный сектор, в том числе мощный малый и средний бизнес; это поле для действия рынка и свободной конкуренции как главного механизма взаимодействия экономических агентов; во-вторых, государственный сектор, включающий отрасли, которые не могут функционировать без централизованного руководства или выполняют оборонные и другие функции, которые нельзя передать частному предпринимательству; в-третьих, система государственного регулирования всей экономики и ее инструменты (денежное обращение, кредитные и биржевые регуляторы, регулирование цен, налоги и т.д.) [Попов Г.Х., 2012, с. 634–635]. В этой модели, таким образом, постиндустриальная экономика предстает как синтез частного и государственного хозяйства.

Г.А. Явлинский включает в характеристики нового этапа капитализма не только сдвиги в структуре, но и существенные изменения в экономическом механизме, в том числе в таких его аспектах, как набор и соотношение используемых ресурсов, соотношение сил различных участников, характер распределения доходов, экономический смысл потребления. По его мнению, изменения претерпевают и такие базовые вещи, как понятия производительности и полезности, основы ценообразования, взаимосвязь экономического роста и технического прогресса [Явлинский Г.А., 2014, с. 71].

Основные черты постиндустриальной экономики можно свести к следующему:

– структурные сдвиги в экономике и обществе: а) в отраслевом плане – развитие информатики, биотехнологии, нанотехнологии,

новых материалов, других отраслей, соответствующих новому типу технологического способа производства; б) в социальной структуре и, соответственно, в структуре человеческого капитала в направлении развития креативных профессий и видов деятельности (экономика знания); в) в структуре факторов производства – растущее значение различных форм интеллектуальных активов и интеллектуальной собственности;

– превращение инноваций, инновационных процессов в главный двигатель, источник экономического развития и новые формы организации и кооперации в сфере НИР (инновационная экономика); финансовые и денежно-кредитные рычаги уже не могут обеспечить долгосрочную траекторию роста; экономический рост прочно связывается с технологическим прогрессом и ростом производительности на его основе;

– изменение характера конкуренции при сохранении ее интенсивности, ослабление влияния чисто рыночных сил при возрастании значения долгосрочной стратегии, проектного управления, отраслевых консорциумов, аутсорсинга, сетевых структур; превращение знаний и интеллектуального капитала в «критический ресурс», вызывающее переосмысление стратегии и тактики менеджмента;

– в сфере корпоративного управления изменение баланса влияния между акционерами и прочими стейххолдерами в пользу последних, сопровождаемое снижением значимости краткосрочных показателей роста богатства акционеров и возрастанием роли долгосрочных показателей стратегических инноваций, устойчивости роста и учета социальных и экологических последствий экономической деятельности;

– усложнение проблем координации и усиление недостаточности рыночного саморегулирования, вызывающие существенные изменения роли государства и форм его воздействия на экономику.

Эти явления и тенденции, отражающие эволюционное поступательное движение современных экономических систем, во многих случаях сопровождаются явлениями, которые можно отнести к издержкам дерегулирования, т.е. недостаточного воздействия со стороны государства в условиях неспособности решения возникших проблем за счет саморегулирующих способностей рыночных сил.

Сюда относится прежде всего финансовая революция – так называемая финансализация, послужившая одной из глубинных причин кризиса, которая представляется в виде деформации финансовой системы вследствие разрастания искусственного финансового богатства, оторванного от реальных ценностей и их производства.

На макроуровне эти явления развивались на фоне фундаментальных процессов возрастания в целом роли финансов и гипертрофии финансовой сферы, приведших к новой фазе институционального развития, получившей в литературе наименование «капитализма денежных менеджеров» как модернизированной версии финансового капитализма XX в. Параллельно наблюдались резкий рост внимания к финансовому контролю за деятельность хозяйствующих субъектов и доминирование в управлеченческом анализе финансовых показателей.

Современный характер экономики развитых стран как капитализма денежных менеджеров отличает ее от традиционного финансового капитализма XX в. Финансовый капитализм завершился Великой депрессией, а капитализм денежного менеджмента испытал серьезный кризис в 2007–2009 гг. и продолжает находиться в состоянии относительно низкого роста. Это, по мнению ряда экономистов, может означать завершение капитализма денежных менеджеров и переход к новой фазе [Van Lear W., Sisk J., 2010].

Финансовая сфера одновременно характеризуется появлением невиданных ранее возможностей эмиссии платежных средств огромным числом участников экономического процесса. Другое явление, вызывающее требование активизации надзорной и регулирующей функций государства, – огромный рост задолженности в развитых экономиках и формирование в глобальном масштабе долговой экономики, т.е. беспрецедентного роста чистой задолженности всех участников (бизнеса, населения и самого государства), в сочетании с ее фактической неподконтрольностью, что вызвало растущую угрозу устойчивости мировой экономики.

Существенный вклад внесла и информационно-цифровая революция. В цифровом мире в силу присущего ему сетевого эффекта полезность продукта или услуги растет с увеличением числа пользователей, поэтому при достижении определенной критической массы потребителей компании получают возможность занять доминирующие позиции на рынке, не заботясь о прибыльности в краткосрочном плане. При этом, как отмечают наблюдатели, государственные органы, ответственные за соблюдение правил конкуренции, оказались безоружными перед набирающими силу монополиями, им остается лишь наблюдать за действиями транснациональных гигантов, направленными на уход от налогов. В условиях динамики цифровой революции слабость регулирования становится катастрофической [Chevallier M., 2013, р. 62].

Логично предположить, как это делает, например, Г.А. Явлинский, что существует связь изменений характера рыночных отношений и самой концепции рынка с техническим прогрессом и ростом производительности. По его мнению, этот прогресс приводит к такому росту эффективности постиндустриального производства, который выходит за рамки индустриального этапа развития, с одной стороны, и в то же время не дополняется соответствующими сдвигами в массовой системе ценностей, стереотипах культуры и в политической активности – с другой. Но если «простое манипулирование рыночным механизмом позволяет формировать спрос под собственные возможности и под собственное положение, ставящее продавца над рыночной конкуренцией, и тем самым повышать норму прибыли до любых высот, то мы оказываемся в мире, где постулаты, лежащие в основе классической экономической школы, становятся фактически иррелевантными» [Явлинский Г.А., 2014, с. 171].

Очевидно, таким образом, что процессы постиндустриальной эволюции имеют оборотную сторону – структурные изменения, ведущие к гипертрофии финансового сектора, и прежде всего кредитной сферы и ее инструментов (кредиты, фьючерсы, ипотеки, хедж-фонды и т.д.). Эта долговая экономика денежных менеджеров, т.е. фиктивного капитала, все более отдаляющегося от реальной экономики и ее ресурсов, уже подготовила фактически глубокий кризис всей системы, в наступлении которого уже мало кто сомневается. Кредитные кризисы, повторяющиеся в последние десятилетия, являются, по сути, лишь преддверием, подготовкой к этому будущему катализму. А он, в свою очередь, неизбежно приведет к последующим глубоким изменениям в структуре экономики и модели развития.

Какими будут эти изменения? Здесь возможны варианты, но наиболее вероятным из них является дальнейшее возрастание роли государства по различным направлениям при сужении масштабов действия неограниченной рыночной стихии. Они могут затронуть также содержание и политику социально ориентированного государства в направлении ограничения системы социального обеспечения и вспомоществования, ее сокращения до масштабов, адекватных реальным возможностям экономики.

Эти явления уже послужили мощным стимулом повышения активности, в том числе законодательной, и усиления интервенционистской политики государства. Так, на совещании, организованном высшим политическим руководством Франции, Германии и Великобритании в январе 2009 г., о задачах государственной

экономической политики говорилось вообще в беспрецедентном тоне: «Хотя мы не должны порывать с капитализмом, но тот его финансовый тип, который был предложен обществу, должен быть изменен или уничтожен» [цит. по: Явлинский Г.А., 2014, с. 112].

Одно из проявлений и следствий формирования постиндустриальной экономики – стратегия роста, в основе которой лежит новая модель технологического прогресса, или, согласно определению американского экономиста Г. Тэсси, «неошумпетерианская» модель, в рамках которой сердцевиной экономической стратегии становятся устойчивые высокие темпы роста производительности [Tassey G., 2013, p. 293]. В отличие от стабилизационной модели в долгосрочной модели роста главный упор должен быть сделан на инвестиции в спектр технологий, определяющих рост производительности. Решение этой задачи требует скоординированного развития в области науки, технологии, инноваций и их распространения, а также соответствующих инвестиций.

Рост производительности генерирует именно частный сектор. Роль частного сектора в этом процессе во многом остается решающей и определяющей. От того, как он «заточен» на инвестиции в инновации, исследования и разработки, человеческий капитал и как он обеспечивает отдачу от этих инвестиций (с помощью государства), зависят долгосрочные перспективы роста. Но здесь и возникают проблемы, требующие разумного участия государства. Например, возможна ситуация, когда растущий государственный долг сокращает объем инвестиций в частном секторе и лимитирует рост производительности труда. Неконтролируемый дефицит представляет угрозу для стабильности экономики страны (примеры – Греция, Аргентина, да и сами США), а его покрытие требует сумм, для изыскания которых существуют лишь такие способы, как повышение налогов, увеличение доли частных сбережений, вкладываемых в государственные ценные бумаги, монетизация госдолга при помощи центрального банка. Это ведет к сокращению объема средств, инвестируемых в частном секторе, уменьшению числа вновь создаваемых компаний и снижению производительности труда. Это, по выражению Д. Молдина и Д. Теппера, означает «убить курицу, несущую золотые яйца» [Молдин Д., Теппер Д., 2013, с. 77].

Формируемая новая модель роста характеризуется, по определению Тэсси, признанием «разрушительной» роли технологий в шумпетерианском смысле, что отличает ее от традиционного неоклассического взгляда на технологический прогресс как постепенный процесс, зависящий от частных инвестиций, осуществляемых

в порядке конкурентного ответа на динамику цен и на технологию как на частное благо. Согласно новой технологической модели роста, сравнительное конкурентное преимущество связывается с эффективностью частно-государственных инвестиционных стратегий, что также отличает ее от неоклассической теории роста. Стратегии частного промышленного сектора развиваются в глобальном масштабе, но при этом государство становится решающим фактором международной конкурентоспособности за счет инвестиционной политики, которая определяет глобальное движение НИР и физического капитала, а также относительную эффективность промышленных структур [Tassey G., 2013, p. 308].

Требование возрастания эффективности НИР ведет к распространению в рамках развитых наукоемких экономик новых усложненных организационных форм, таких как региональные инновационные кластеры, открытые инновации, технологические альянсы, кооперация между многими отраслями, университетами и различными уровнями государственного управления. Таким путем формируется практика инновационных исследований и разработок, которая способствует снижению издержек и ускорению разработки и освоения новых продуктов и процессов, повышению их качества, продуктивному использованию внешних знаний и квалификаций. Сложность современных технологий вызывает потребность в разнообразных механизмах их развития и применения, которые в возрастающей степени охватывают различные формы сотрудничества как между конкурирующими фирмами, так и между промышленностью и государством. Поэтому современная модель роста признает не только дополнительность функций крупных и мелких фирм, но также существенный компонент общественного блага, заключенный в технологических и инфраструктурных комплексах.

Таким образом, современная модель роста должна отражать все более сложный и наукоемкий характер глобальной конкуренции. Разработка и применение национальными отраслями новых технологий в масштабах, достаточных для завоевания значительной доли мирового рынка, требуют инвестиций в целый набор категорий активов. Сюда входят человеческий капитал, каналы распространения технических и деловых знаний, стимулы для накопления основного капитала, защита интеллектуальной собственности, современная промышленная структура, в том числе интегрированные цепочки снабжения. Эти активы формируют основу для широкой «экосистемы», т.е. функциональной интеграции НИР, накопления капитала, бизнес-менеджмента и квалифицированной рабочей силы.

Такая формирующаяся инновационная система, подчеркивает Тэсси, представляет собой значительно более сложную и интегрированную совокупность отраслей, университетов и государственных организаций, чем это было, например, в эпоху промышленной революции, она возникает на глобальной основе, поэтому так необходим ответ на нее в масштабах всей национальной экономики [Tassey G., 2013, р. 309].

На микроуровне возникают не менее масштабные задачи выработки принципов, процессов и методов управления, пригодных для современности. Именно управленческие инновации пре-вращаются в главный фактор создания устойчивого конкурентного преимущества. В прошлом от жесткой борьбы за выживание, «от холодных ветров шумпетерианской конкуренции», по выражению Г. Хэмела, «отраслевых старожилов» укрывали «регулирование, патентная защита, распределительные монополии, беспомощные потребители, частные стандарты, преимущества масштаба, им-портные пошлины и ограничения на движение капитала. Сегодня эти укрепления рушатся» [Хэмел Г., 2013, с. 62].

Дерегулирование и либерализация торговли снижают входные барьеры во многих отраслях (банковское дело, транспорт, телекоммуникации и др.), а Интернет, аутсорсинг снижают трансакционные издержки, избавляют от необходимости создавать глобальные инфраструктуры. «Разрушение входных барьеров, гиперэффективные конкуренты, власть потребителей – эти силы в ближайшие годы будут сводить маржу к нулю. В этом суровом новом мире каждая компаниястанет перед жестким выбором: либо разжечь костры инноваций, либо влечь жалкое существование» [Хэмел Г., 2013, с. 63].

Концепции управленческого контроля, т.е. нормы, определяющие направления деятельности экономических субъектов и ее эффективность, не являются стабильными, а изменяются под воздействием институциональных факторов внешней среды. Так, в сфере корпоративного управления специалистами выделяются четыре сменяющих друг друга периода, в которых доминируют соответствующие нормы и тип контроля: прямой контроль; контроль производства; контроль маркетинга и сбыта; финансовый контроль. Каждый тип контроля явился результатом организационных инноваций в ответ на требования окружающей среды. Руководство фирм каждый раз воспринимало и придерживалось определенного доминирующего в данный момент типа контроля. Однако вся эта эволюция характеризуется важной сквозной чертой,

отмеченной еще Т. Вебленом: растущей зависимостью от внешних источников финансирования и возрастающим вниманием к финансовым проблемам и показателям. Примеры (в частности, практика фирм Японии, Швеции, Германии) показывают, что социальная концепция корпоративного управления, более чуткая по отношению к широкому кругу стейххолдеров, к общественным запросам, предполагающая, что фирмы руководствуются совместными ценностями, отражающими социальную значимость экономической деятельности, оказывается эффективной [Redmond W., 2010, p. 627].

Новая проблема управления возникает в связи с тем, что контроль над интеллектуальным капиталом значительно отличается от контроля над материальным капиталом, который осуществляется с помощью правовой системы собственности. Проблемы с интеллектом решаются иначе – отсюда возникновение совершенно новых форм и методов контроля, основанных на психологических подходах, моральной мотивации, создании творческого климата, соответствующей организационной культуры. С этим связан и пересмотр содержания и подходов к корпоративному управлению, смысл которого в наиболее сжатом виде сводится к изменению баланса интересов между акционерами и другими стейххолдерами [Bloomfield S., 2013].

Все это ставит под вопрос сложившуюся на протяжении XX в. основополагающую для индустриального капитализма модель акционерного общества (корпорации).

Крупные публичные акционерные компании с диффузной собственностью и значительным участием институциональных инвесторов, многие из которых сами являются подобными же компаниями, образуют сектор коллективной (публичной) собственности, занимающий все более значительное место в постиндустриальной экономике РС.

Изменения института собственности затрагивают не только его формальную структуру, но и качественные, сущностные характеристики. В то же время функция надзора и регулирования (и не только финансовой сферы) значительно усложнилась и, как прогнозирует Г. Явлинский, будет еще более усложняться: «Чем сложнее и структурированнее бизнес, чем он более глобален, а главное – чем дальше он сдвигается в сторону постиндустриального и виртуального, тем объективно труднее загнать его в рамки жестких схем и поставить под эффективный контроль регулятора». Это означает, что правительства в ближайшем будущем должны разработать нетрадиционные подходы к экономическому регулированию,

иначе «эффективность и возможности любого рода регулирования... будут сокращаться буквально на наших глазах» [Явлинский Г.А., 2014, с. 94–95].

Проявляются и другие факторы, способствующие усилению роли государственного сектора. Здесь нужно отметить роль инновационного предпринимательства – функция, выполняемая индивидом или фирмой, состоящая в сведении необходимых для инновационной деятельности человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Однако такое предпринимательство шумпетерианского типа не является единственным путем осуществления инновационного процесса. Существуют и развиваются иные модели, причем главным образом связанные с деятельностью государства. Так, Я. Корнаи, например, выделил среди них, во-первых, инновации, инициируемые, финансируемые и применяемые в военной сфере, и, во-вторых, значительные исследования и инновации, инициируемые и финансируемые в гражданском государственном секторе в результате целенаправленной политики, например в сфере здравоохранения и охраны окружающей среды [Kornai J., 2010, p. 646]. Фактически сегодня развитие инновационных наукоемких производств, реализация масштабных проектов в любой отрасли невозможны без государственного финансирования в значительных и решающих масштабах.

В современном мире обостряется проблема ограниченности ресурсов и борьбы за доступ к ним. Как отмечают в своем докладе сотрудники «Boston Consulting Group», «Insead» и Всемирного экономического форума, в результате компаний будут вынуждены рассчитывать эффективность их использования наряду с рентабельностью активов и капитала. Им придется следить за потреблением водных, земельных и других природных ресурсов и объемами получаемых в результате доходов. Те, кто сможет это сделать, получат конкурентное преимущество и растущую долю рынка, в противном случае они испытают на себе все давление роста цен, социальных проблем и государственного регулирования [Making sustainability..., 2013].

Наконец, свой вклад вносит развитие глобализации в целом и связанное с ним изменение роли экономик развитых и развивающихся стран в международном разделении труда. В рамках «группы 20» обсуждаются проблемы укрепления международного сотрудничества для обеспечения стабильности, большее значение придается многосторонним институтам как инструментам развития глобального взаимодействия. Не случайно также, что Всемир-

ный банк признал необходимость государственного вмешательства в развитие экономики. Возникающая новая концепция мирового макроэкономического порядка в целом ориентирована, таким образом, на переход руководящей роли, по крайней мере частичный, от рынка к государству и от простых решений к более сложным.

Особо следует подчеркнуть роль кризиса 2007–2009 гг. в трансформации подходов к экономической политике. Так, кризис четко показал чрезвычайную опасность высокой зависимости государственных финансов от гипертрофии развития какого-либо сектора (финансы, строительство или, что особенно важно для России, сырьевые и энергетические отрасли). Правительства будут вынуждены принимать специальные жесткие меры бюджетной политики, которые, в свою очередь, могут отразиться на экономическом росте, повлиять на перераспределение ресурсов между отраслями, например, за счет урезания субсидий и расходов на социальные нужды, включая борьбу с безработицей. В долгосрочном плане возникает потребность в проведении мер, выходящих далеко за пределы бюджетного балансирования в рамках антикризисных мероприятий. Возникает необходимость в сокращении масштабов частного и государственного долга и с этой целью – поиска новых средств стимулирования экономического роста и структурной перестройки экономики. Как отмечают аналитики, поддержка стоящих отраслей означает риск вытеснения более динамичных [Bank for International Settlements., 2011].

В ходе кризиса и в период выхода из него был предпринят ряд чрезвычайных мер в области регулирования. Если ранее органы регулирования часто абстрагировались от состояния финансового сектора, сосредоточивали усилия на отдельных институтах и рынках, ставя во главу угла стабильность цен, то кризис показал, что денежно-кредитная политика должна заботиться о финансовой стабильности, использовать помимо процентной ставки весь набор инструментов, включая нормативы достаточности капитала, коэффициенты ликвидности и др.

В США ряд принятых в последнее время законов был направлен на усиление регулирования и ужесточение санкций за нарушение законодательства, а тем самым и на усиление роли государства в функционировании финансового сектора, регулирование которого было существенно либерализовано в послевоенный период. Закон Додда-Франка устанавливает новый порядок регулирования, предоставляет в распоряжение регуляторов дополнительные средства воздействия на финансовые учреждения, находящиеся в за-

труднительном положении, заменяет действующие правовые нормы в отношении банкротства более строгими и распространяет их на потенциально широкий круг финансовых компаний.

Новые задачи и противоречия развития

Таким образом, вряд ли сегодня вызывает сомнение положение о том, что поддержание условий для стабильного существования и развития экономической системы может реально осуществляться только государством, стоящим над интересами отдельных экономических субъектов. Важны, однако, те объективные условия, в результате которых этот вопрос приобрел столь существенное значение на рубеже XX и XXI вв.: возникновение нового этапа в развитии смешанной экономики, т.е. такой экономики, где наряду с рыночными механизмами присутствует государственное вмешательство, где частный сектор соседствует и взаимодействует с общественным и государственным секторами. Теоретически это означает, что экономическая роль государства становится неотделимой от общественных интересов, а развитие рыночной экономики связывается уже не только с удовлетворением частных интересов, но и в значительно мере с оптимальным сочетанием частных и общественных интересов [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...].

Отсюда неизбежность усиления роли государства и одновременно необходимость адекватного роста его эффективности. Причинами служат, во-первых, новый технологический способ производства, переход к которому требует усиления экономической, промышленной, научно-технической политики; во-вторых, накопление кризисных явлений и провалов рынка; в-третьих, свою роль играет фактор глобализации. Совокупность указанных явлений, и прежде всего увеличение в экономике роли нематериальных факторов производства, означает существенное изменение характера и движущих сил экономического роста и обуславливает отход от основ неоклассической экономической теории, господствовавшей в конце XIX и большей части XX в. Это ведет к интенсивному поиску новых экономических моделей и приданию в них новой роли государству.

Возвращаясь к концепции экономической социодинамики, можно сказать, что государство может и должно действовать с целью реализации общественных интересов, но для этого оно должно обладать рядом соответствующих характеристик и развитых инсти-

тутов. Важно, что в условиях постиндустриализма само государство подвергается трансформации. Как указывают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, его деятельность, включая формирование и расходование бюджетных средств, перестает носить характер вмешательства в рыночную среду и становится составной частью и условием равновесия. Современное государство оказывается не за пределами рыночной экономики, не над рыночной экономикой, а органично в нее встроено [Экономическая социодинамика...].

Поведение государства, отмечают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, связано с тремя принципами: принципом Поланьи, из которого следует необходимость государственного регулирования использования факторов производства; принципом Баумоля, который устанавливает целесообразность государственной поддержки социальной сферы; принципом демократического прагматизма, указывающим на максимально эффективные способы и процедуры распределения средств, находящихся в собственности государства. Если упомянутые принципы соблюдаются, пишут авторы, т.е. поведение государства рационально, затраты на удовлетворение несводимых потребностей общества обеспечивают как социальный, так и экономический прогресс.

Важным является то, что авторы концепции указывают на совокупность формальных и неформальных институтов как на важнейший фактор экономического роста. Согласно их концепции, механизм социодинамического мультиплликатора экономического роста действует тогда, когда институты обеспечивают необходимую коммуникацию индивидуальной энергии созидания с преемствами улучшенной общественной среды, являющейся результатом действий государства. Процесс «канализации» социального эффекта жестко связывается с институциональной структурой общества: чем более развита эта структура, чем выше мера ее адекватности текущим требованиям экономического роста, тем больше дополнительных индивидуальных выгод порождает социальный эффект [Экономическая социодинамика...].

Будучи субъектом рынка и вступая в отношения с другими его участниками по поводу реализации конкретных проектов, государство действительно превращается в партнера по рыночной сделке. То же относится и к индикативному планированию. Выстраивая свою стратегию осуществления тех или иных проектов, которые не могут быть реализованы силами только частного бизнеса, государство заключает контракты со всеми участниками. Совокупность таких контрактов, в сущности, и составляет «инди-

кативный план» [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...].

Таким образом, трактовка роли государства как полноправного участника рыночных отношений, отвечающего за реализацию общественных интересов, которые в принципе не могут быть достигнуты посредством механизмов саморегулирования, создает основу для соответствующей экономической политики. При этом конкретные направления экономической политики, ее приоритеты могут быть различными в зависимости от потребностей места и времени. Например, в сложившейся российской ситуации это может быть стимулирование инновационности и конкурентоспособности, развитие внутреннего рынка и диверсификация экономики, укрепление ее интеллектуального потенциала.

Однако, чтобы реализовать эту функцию, государству необходимо удовлетворить ряд условий. Дело в том, что, как доказал К. Эрроу своей теоремой невозможности, общественный интерес не выводится из частных интересов, он не сводится к выбору, основанному на каких-либо формальных критериях типа парламентского или любого другого голосования. Ведь, как правило, именно меньшинство оказывается наиболее передовой, креативной частью общества.

Для приближения общественного выбора к реальным общественным интересам и соответствующей ориентации в деятельности государства необходимо предусмотреть учет мнений оппозиции, меньшинства с помощью механизмов демократии, развивать институты гражданского общества, а также и специальные процедуры вплоть до прямого участия граждан в принятии бюджетных решений и выборе приоритетных направлений некоторой части средств. Прежде чем стремиться к паритету влияния роли общества и государства, надо поднять роль общества и человека в нем. Очевидно, что ни политическое, ни экономическое «равновесие» невозможно при подчинении общества диктату государства или по крайне мере отчетливо выраженном стремлении к такому диктату.

Поэтому для учета реальных общественных интересов, обеспечения роста благосостояния людей необходимо развивать институты гражданского общества, в том числе участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации интересов общества. Это предполагает также ограничение монопольной власти парламентского большинства, развитие института политической конкуренции и демократизацию принимаемых политических и экономических решений. Устойчи-

вый экономический рост невозможен без систематической государственной активности, направленной на реализацию интересов общества. Определение же этих внерыночных интересов, тактических и стратегических целей развития страны нуждается в существенной модернизации существующей парламентской демократии, в том числе в наделении оппозиционных партий необходимыми политическими и экономическими правами, обеспечивающими ослабление монополии правящей партии и усиление политической конкуренции, в развитии институтов прямого участия граждан в распределении налоговых доходов государства [Юргенс И. Есть пророки...].

Следовательно, можно указать на четкую взаимосвязь, состоящую в том, что всякое рассуждение об экономической роли и функциях государства упирается в вопрос о том, какое это государство, каковы его фундаментальные черты и взаимоотношения с гражданским обществом.

Главное в характеристике постиндустриальной модели состоит в том, что она, по крайней мере теоретически, позволяет избавиться от недостатков и соединить преимущества и централизованной государственной экономики, и капиталистического частного хозяйства. Во всяком случае такова ее историческая миссия. Но жизнь разнообразна и богата вариантами. Конкретное же воплощение модели постиндустриализма и ее результаты зависят, безусловно, от соответствия условиям данной страны, ее исторической траектории, институциональной и политической систем, позволяющих осуществлять необходимые реформы и гибкую политику в интересах активной части граждан страны.

Вопрос, таким образом, стоит не только о степени и формах участия государства в экономике, но и о качественных характеристиках самого государства и его институтов. В этом состоит одна из важных особенностей российского поиска модели устойчивого развития.

Россия и развитый Запад в своем поступательном движении общественного развития не совпадают, они асинхронны, не идентичны по движению циклов экономического развития, возникающие перед ними задачи выступают как бы в противофазе. Это вполне естественно, поскольку России пришлось строить заново рыночную экономику и догонять.

Когда на Западе активно обсуждаются пути усиления регулирования после длительного периода дерегулирования, приведшего к известным дисбалансам, раздается активная критика нео-

либеральных подходов, особенно после кризиса 2008–2009 гг., в России ширится убеждение в том, что новый этап и новая модель развития могут быть связаны только с либерализацией экономической жизни, с отказом от чрезмерного вмешательства и сверхцентрализации, в том числе в региональном аспекте.

Таким образом, когда на Западе наступает эра неолиберализма и дерегулирования, у нас возникает роль государства, когда там ищут способы симбиоза частной инициативы с государственным участием, развития частно-государственного партнерства, здесь требуют ухода государства из экономики, звучат лозунги экономического либерализма (сопровождаемого подавлением либерализма политического и усилением авторитарных тенденций).

Не все экономики подошли в равной степени к постиндустриализму. Постсоциалистическим и развивающимся странам еще предстоит пройти ряд этапов. Поэтому, если в развитых странах наблюдается связанная с новым этапом также и новая модель, предполагающая известное усиление государства, то в этих экономиках еще не изжито наследие тотального огосударствления, не исчерпано воздействие свободы предпринимательства. Здесь еще необходимы такие условия для формирования высоких темпов, как легкость входления в рынок, налоговые льготы, другие формы привлечения капитала и т.д. Да, либерализм нужен, но вопрос в его сущности, в том, какой либерализм иметь в виду.

Особое значение для России имеет такая важная функция государства, как поддержка мелкого, в том числе инновационного, бизнеса. Без такого предпринимательства не может быть эффективной рыночной экономики, это питательная среда, в которой возникают и апробируются инновации, которая доводит огромную массу рыночных услуг до конечного потребителя. Не меньшее значение имеет антимонопольная политика. Сырьевая моноспециализация российской экономики связана с ее монополизмом, экономической и политической мощью монополий, отстаивающих свои интересы. Поэтому решение задач диверсификации и демонополизации экономики взаимосвязано.

Это означает, что модель устойчивого роста для России будет иметь собственные и весьма существенные черты. Ее основные направления:

- всемерное поощрение предпринимательства;
- борьба с монополизмом;
- массированные инвестиции в технологические инновации,

а следовательно, в человеческий капитал, науку и образование;

– институциональные реформы в области прав человека, защиты собственности, независимого судопроизводства.

Вывод состоит в том, что эффективная роль государства, работающего на экономический рост и тем самым на удовлетворение общественных потребностей, невозможна без подлинной либерализации и демократизации общественной жизни. Современная модель роста – это постиндустриальная экономика и социально ориентированное, демократическое государство, создающие условия для интенсивных инновационных процессов на базе эффективного использования и расширения потенциала знаний.

Общепризнано, что успешность экономического роста, основанного на повышении производительности факторов производства, т.е. на технологическом развитии, зависит от формирования институтов и институциональных изменений, осуществляемых с помощью целенаправленной политики на государственном макроуровне, организационном мезоуровне и корпоративном микроуровне. Однако этим уровням придается различное значение, а процесс технологического развития характеризуется как неравномерный, различающийся по времени и по географической локализации, а также имеющий значительные отраслевые и институциональные особенности.

Эффективные меры государственной политики в их совокупности рассматриваются в качестве важнейших факторов экономических и инновационных достижений стран с развивающейся рыночной экономикой наряду с активными микроэкономическими процессами в виде иностранных инвестиций и связанного с ними притока знаний, а также активной инновационной деятельности промышленных фирм, в том числе по освоению мировых технологических достижений.

Список литературы

1. Бабкин Л. Есть и другие проблемы, которые надо решать. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/babkin_k/1284198-echo/
2. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». – М.: Изд. дом «Экон. газ.», 2011. – 575 с.
3. Гонтмахер Е.Ш. На «взбесившемся принтере» далеко не уедешь. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2014/02/24/989591-na-vzbesivshemsya-printere-daleko-ne-uedesh.html>

4. Гонтмахер Е.Ш. Российская исполнительная власть: Реальная и необходимая // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 271–284.
5. Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – 511 с.
6. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики: Экономическая социодинамика. – Режим доступа: www.econorus.org/doc/th270409.doc
7. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: Экономическая дилемма / РАН. Ин-т экономики. – М.: Весь мир, 2013. – 479 с.
8. Залог успешной экономики – развитие культуры и человека. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/news/2465/>
9. Кара-Мурза А.А. Россия на пути к либеральной цивилизации // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 147–164.
10. Молдин Д., Теппер Д. Развязка: Конец долгового суперцикла и его последствия. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 339 с.
11. Никольский С.А. Современная Россия: Этап национального государства // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 195–216.
12. Огурцов А.П. Власть: От метафор – к нейтральному языку описания // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 103–124.
13. Попов Г.Х. Реформы Бориса Ельцина: Создание российского номенклатурно-олигархического постиндустриализма. – М., Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2012. – 752 с.
14. Порус В.Н. Имитация рациональности: Российская бюрократия в ситуации культурного кризиса // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 217–243.
15. Ромер Д. Высшая макроэкономика: Учебник. – М.: Изд. Дом Высш. шк. экономики, 2014. – 855 с.
16. Струве П.Б. Религия и социализм // Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. – 528 с.
17. США во время Второй мировой войны. – Режим доступа: <http://history.rin.ru/cgi-bin/history.pl?num=2430>
18. Управление экономикой США в кризисных и чрезвычайных условиях: Уроки для России. – Режим доступа: http://mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik4_1.html
19. Хэмел Г. Будущее менеджмента / При участии Брина Б. – СПб.: BestBusiness-Books, 2013. – 276 с.
20. Экономическая политика правительства Кеннеди, (1961–1963). – М.: Мысль, 1964. – 413 с.
21. Экономическая социодинамика: Обсуждаем новую экономическую теорию. – Режим доступа: http://www.fastcenter.ru/ecaar/grinberg_r.htm

22. Юргенс И. Есть пророки в своем отечестве и есть такая теория! – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/urgens_i/1242512-echo/
23. Явлинский Г.А. Рецессия капитализма – скрытые причины. Realeconomik. – М.: Изд. дом Вышн. шк. экономики, 2014. – 184 с.
24. Bank for International Settlements: 81 th Annual Report. – Basel: BIS, 26 June 2011. – XIII, 210 p.
25. Bloomfield S. Theory and practice of corporate governance: An integrated approach. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2013. – XVIII, 421 p.
26. Chevillier M. L'âge des monopoles // Alternatives écon. – P., 2013. – N 329. – P. 60–64.
27. Coase R.H. The nature of the firm // Economica. – L., 1937. – Vol. 4, N 16. – P. 386–405.
28. Jackson P.M. Public sector added value: Can bureaucracy deliver? // Public administration. – L., 2001. – Vol. 79, N 1. – P. 5–28.
29. Kornai J. Innovation and dynamism: Interaction between systems and technical progress // Economics of transition. – Oxford, 2010. – Vol. 18, N 4. – P. 629–670.
30. Making sustainability profitable / Haanaes K., Michael D., Jurgens J., Rangan S. // Harvard business rev. – Boston, 2013. – Vol. 91, N 3. – P. 110–115.
31. Lawson T. What is this «school» called neoclassical economics? // Cambridge journal of economics. – L. etc., 2013. – P. 947–983.
32. Rasiah R., Yeo Lin, Sadoi Y. Explaining technological catch-up in Asia // Innovation and industrialization in Asia. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – P. 1–5.
33. Redmond W. Evolution of corporate governance principles among US firms // JEI: J. of econ iss. – Lewisburg, 2010. – Vol. 44, N 3. – P. 615–627.
34. Tassey G. Beyond the business cycle: The need for a technology-based growth strategy // Science a. publ. policy. – Guildford, 2013. – Vol. 40, N 3. – P. 293–315.
35. The economic role of the state / Stiglitz J.E. et al.; Ed. By Heertje. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – VII, 178 p.
36. Van Lear W., Sisk J. Financial crisis and economic stability: A comparison between finance capitalism and money manager capitalism // JEF: J. of econ. iss. – Lewisburg, 2010. – Vol. 44, N 3. – P. 779–793.